

УДК 172; 211.5; 261.6

И. Н. Лагутина

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ УТОПИЯ ФРАНЦА ФОН БААДЕРА И ПОЛИТИКА НАДКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ХРИСТИАНСТВА АЛЕКСАНДРА I

Ирина Николаевна Лагутина — доктор филологических наук, профессор Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

E-mail: irina.lagoutina@inbox.ru

Аннотация. Немецкий философ-романтик Франц фон Баадер, оказавший существенное влияние на формирование концепции Священного союза, имевший многочисленные контакты с русскими политическими, религиозными и культурными деятелями эпохи Александра I, принимавший активное участие в секуляризации российского общества в 1810-х годах, до сих пор остается вне русского историко-культурного и философского контекста. В предлагаемой статье на основе его сочинений и писем, свидетельств современников и новых архивных источников реконструируются «русские» аспекты его философии и деятельности, в частности политический и религиозно-философский проекты Баадера встраиваются в контекст политики христианского либерализма Александра I.

Ключевые слова: Баадер, социально-философская утопия, религиозная политика Александра I, Священный союз, А. Стурдза

Ссылка для цитирования: Лагутина И. Н. Социально-философская утопия Франца фон Баадера и политика надконфессионального христианства Александра I // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. Т. 4, № 2. С. 149–171.

DOI: 10.17323/2658-5413-2021-4-2-149-171

Баадер своим учением и силой своей личности мог бы светить звездой первой величины среди своих современников, получивших мировую известность, если бы чрезвычайно высокой одаренности не препятствовали его комплексы, которые не давали ему развиваться. Во-первых, это была гордыня, которая его изолировала, которая ему мешала присоединиться к какой-либо школе и двигаться общей дорогой... И эта гордыня, которая проистекала от недостатка любви, сделала невозможным толпу учеников и последователей, которых он все же желал видеть вокруг себя. Во-вторых, — это доверчивость, глубоко укорененная на национальной почве: он слишком легко верил в чудесное в явлениях высшего порядка и не замечал низость и вульгарность в обыденной жизни. Ничто так легко не разрушает авторитет и достоинство учителя-провидца, как эти мелочные недостатки... Без этих препятствий Баадер мог бы стать философом, о чем влиянии и значении заговорил бы мир.

Варнхаген фон Энзе, 1841

Немецкий философ-романтик Франц фон Баадер (1765–1841), которого Н. А. Бердяев назвал «очень родственным русской мысли» (Бердяев, 2008: 62), до сих пор остается в России одной из самых загадочных фигур, находясь вне русского историко-культурного и философского контекста. Первая и, пожалуй, единственная попытка на русском языке систематизировать философию Баадера была сделана С. П. Шевыревым в середине XIX века, но в силу особенностей жанра его статьи, опубликованной в журнале «Москвитянин», — это были устные беседы, записанные русским славянофилом в Мюнхене во время личных встреч с Баадером (Шевырев, 1841: 378–437)¹, — она не может претендовать на исчерпанность и объективность. К сожалению, до сих пор нет переводов на русский язык наиболее значительных сочинений Баадера. Из его огромного наследия в книге «Эстетика немецких романтиков»,

¹ О посредничестве Шевырева в распространении идей Баадера в России см. (Вдовин, 2015: 23–39).

изданной в 1987 году, по вполне понятным идеологическим причинам (немецкая религиозно-философская мысль эпохи романтизма была тесно связана с политическим консерватизмом, неприемлемым для советской идеологии) приведены небольшие отрывки из его ранних дневников (1786, 1788, 1793) и краткие выдержки из статей. Их переводчик и автор комментариев А. В. Михайлов справедливо замечает: «Литература о Баадере невелика и одностороння, что является большим упущением, так как крайне обедняет наше знание романтической эпохи» (Михайлов, 1987: 690). Интересно, что имя Баадера практически не встречается в отечественных исследованиях, посвященных истории Священного союза, определившего судьбу посленаполеоновской Европы, притом что он оказал существенное влияние на формирование этой религиозно-политической утопии Александра I; при его активном участии происходила эмансипация и секуляризация российского общества в 1810-х годах. Он имел многочисленные контакты — как письменные, так и личные — с русскими политическими, религиозными и культурными деятелями этой эпохи, был корреспондентом Министерства духовных дел и народного просвещения и даже — увы, неудачно — пытался приехать в Петербург, чтобы продолжать свою деятельность по созданию новых религиозных и научных институций.

В предлагаемой статье на основе сочинений и писем Баадера, свидетельств современников и новых архивных источников реконструируются «русские» аспекты его философии и деятельности, в частности политический и религиозно-философский проекты Баадера встраиваются в контекст политики христианского либерализма Александра I.

«О вызванной Французской революцией потребности установить новую и теснейшую связь между религией и политикой»: Баадер как идеолог Священного союза

Впервые имя Баадера в связи с Россией возникает в 1814 году, когда во время Венского конгресса, на котором 14 (26) сентября 1815 года был заключен акт о создании Священного союза, он передает трем европейским монархам — русскому императору Александру I, австрийскому императору Францу I и прусскому королю Фридриху Вильгельму III — три идентичные памятные «Записки» (*Le mémoire, Die Denkschrift*), где обосновывает создание единого европейского «государства» на основе «новой» объединенной религии. Как сообщает ученик Баадера, философ Франц Хоффманн, Баадер дважды (летом 1814 года и повторно весной 1815 года) обращался со своими идеями к императору Александру I, который «без сомнения, его “Записку” читал и кое-что из нее заимствовал (... *sich daraus Manches aneignete*)» (Hoffmann, 1872: 25). Это же подтверждает и сам Ба-

адер в письме баварскому кронпринцу и будущему королю Людвигу I от 16 октября 1816 года, подчеркивая, что *еще раз* послал свой трактат, теперь уже в напечатанном виде, императору Александру (Susini, ed., 1942–1983: I, 21).

Кроме того, Баадер в это время был дружен с баронессой Ю. Крюденер, о роли которой в подписании договора о Священном союзе так много спорят. Немецкий исследователь Ф. Бюхлер даже считает, что, возможно, рукописный «проект» о задачах Священного союза, который обсуждался в ее мистическом кружке, — был той самой «Запиской» Баадера, а

словосочетание «Священный союз» (La Sainte Alliance) напрямую заимствовано из языка немецкого философа (Büchler, 1929: 52). Интересные наблюдения А. Зорина о совпадении этих слов с другим философско-мистическим источником, который знал Александр, — книгой К. Эккартсгаузена «Облако над святилищем» (“Die Wolke über dem Heiligtum”, 1802) (Зорин, 2004: 306–311), выстраиваются в весьма вероятную перспективу рождения религиозно-политической параллели союз/завет. Уместно также напомнить, что непосредственное участие в «редактировании договора и в переводе его на русский язык» принимал А. С. Стурдза (Лямина, 2019: 106), тогдашний помощник статс-секретаря И. Каподистрия, к тому времени уже личный знакомый Баадера и, как мы увидим далее, весьма ценивший его идеи. В связи с этим особый интерес представляет письмо его сестры и фрейлины императрицы Елизаветы Алексеевны Роксандры Стурдзы, отправленное Баадеру 11 июля 1815 года, из которого следует, что именно она передала «Записку» (Le mémoire) и сопроводительное письмо Баадера императору (Susini, ed., 1942–1983: I, 289–290).

О немецкой «Записке» Баадера в одном из писем упоминает немецкий писатель Варнхаген фон Энзе, сообщая, что летом 1814 года в Берлине он ее «видел на столе у статского советника Штегемана, держал в руках и частично прочитал» (тот получил рукопись от государственного канцлера Гарденберга, которому для ознакомления передал ее прусский король Фридрих Вильгельм III). Варнхаген продолжает: «И хотя мы ни в коей мере не могли принять точку зре-

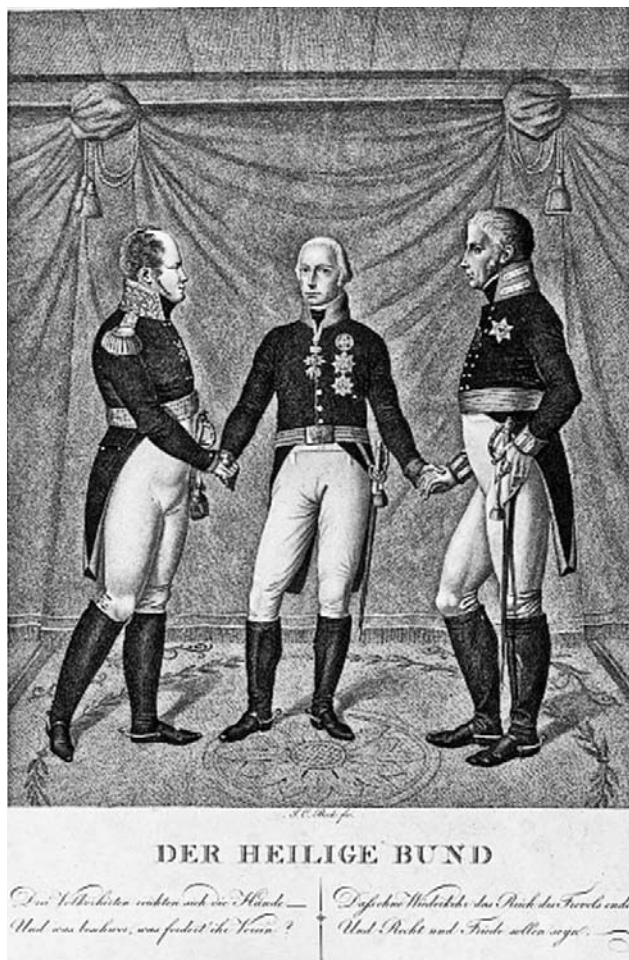
Франц фон Баадер

ния Баадера, поскольку опасались, что его добрые побуждения могут привести к противоположным результатам, *мы оба были поражены ее глубиной и силой мысли*» (ibid.: I, 470, Appendice).

И хотя ни один из трех вариантов «Записок» пока не найден (возможно, еще предстоит неожиданная архивная находка!), а сохранился лишь опубликованный вариант 1815 года, некоторые из немецких исследователей прямо приписывают Баадеру «авторство идеи, лежащей в основе Священного союза» (Büchler, 1929: 49), а Е. Суссини, издавший переписку Баадера, пишет в предисловии к четвертому тому, что философа «можно рассматривать как духовного отца Священного союза» (Susini, ed., 1942–1983: IV, 11).

Это был «один из самых любопытных памятников в политической истории народов» (Мартенс, сост., 1878: 3), который был религиозно окрашен даже на уровне языка и вызывал в памяти современников «воспоминания об эпохе религиозных войн и их союзах» (Гуминский, 1998: 254). Не касаясь истории подписания и значения этого важного дипломатического документа, поскольку об этом событии существует значительная исследовательская литература, упомянем лишь его некоторые детали, необходимые для понимания «русской идеи» Баадера.

Государства, вступившие в Священный союз, были обязаны руководствоваться во внутренней и внешней политике исключительно «заповедями святой веры, заповедями любви, правды и мира»; «все народы должны были рассматриваться как члены одной и той же великой христианской семьи» (Мартенс, сост., 1878: 5, 2). Права и взаимоотношения монархов с подданными определялись предписаниями христианской религии, и чтобы «сохранить веру, мир и правду» государи должны были управлять подданными «в том же

Священный союз, заключенный между русским царем Александром I, австрийским императором Францем I и прусским королем Фридрихом Вильгельмом III 26 сентября 1815 года.

Литография XIX века. Архив изображений Фонда Прусского культурного наследия

духе братства, которым они одушевлены», причем в официальной французской версии вместо слова «правда» стояло «la justice», что отсылало к европейскому «праву и закону» (pour protéger la Religion, la paix et la justice). Подданные должны были воспринимать себя «членами единого народа христианского» (французская версия подчеркивала идею единой «христианской нации» — *members d'une même nation chrétienne*), а государства, вступившие в союз, — стать тремя ветвями единого семейства (*trois branches d'une même famille*), во главе которого стоит Иисус Христос (там же: 6).

К. Меттерних, который был уполномочен со стороны Австрии и Пруссии вести переговоры с русским императором, в своих мемуарах раскритиковал этот законодательный акт, определив его как пустую декларацию о намерениях, «памятник-пустозвон (*ce monument vide et sonore*)», «филантропическое устремление в религиозной оболочке (*philanthropique déguisée sous le manteau de la religion*)», «выражение мистических чувств (*l'expression des sentiments mystiques*) императора Александра» (Metternich, 1880: 210–211). Франц I и Фри-

.Фридрих Вильгельм III Прусский, Франц I Австрийский и русский царь Александр I впервые встречаются в Праге 18 марта 1813 года. XIX век. Архив изображений Фонда Прусского к культурного наследия

дрых Вильгельм III тоже считали идею Александра «странною и несбыточною и весьма скептически отнеслись к предложенному к подписанию акту», однако вошли в союз, чтобы навсегда «закрепить узы дружбы и убеждений» (Мартенс, сост., 1878: 3). И хотя в договоре речь прямо не шла об объединении христианских конфессий, но для Александра сам религиозный союз-завет православной России, католической Австрии и протестантской Пруссии подспудно эту идею декларировал, а возможно, и являлся первым шагом в этом направлении.

Обратимся к книге «О вызванной Французской революцией потребности установить новую и теснейшую связь между религией и политикой» (Baader, 1815), которая стала широко известной уже после подписания акта о Священном союзе и где разрабатываются идеи, намеченные ранее в «Записке». В ее названии уже содержится ядро политической программы. Для автора ясно, что «религия есть точка опоры любой политической деятельности и должна быть первейшей заботой всех государственных мужей» (Susini, ed., 1942–1983: IV, 11). Этот проект на долгие годы становится для Баадера той центральной точкой, которая дает импульс его философским размышлениям и деятельности писателя-публициста, его планам путешественника и изысканиям академического ученого.

Основу книги составляет идея, что Французской революции необходимо противопоставить *контрреволюцию*, которая будет основываться не на принципе переворота, а на принципе *органической эволюции*, опираться на силу христианской любви и осуществляться как христианская теократия, объединяющая разъединенных революцией и защищающих свои эгоистические интересы членов общества в единое сообщество любви (Baader, 1987: VI, 9). Как видим, Баадер переносит важнейшую установку раннего немецкого романтизма о «романтизации» мира, преобразованного посредством «литературного» магического действия до идеального состояния золотого века, в социально-политическую сферу: магической силой любви должен быть трансформирован не просто «универсум», но изменен человеческий социум. Своеобразие социально-политической утопии Баадера, в отличие от других романтиков, например Новалиса, отчетливо проявляется в его отношении к реставрации средневековой государственной модели. Для философа бесспорным является факт, что будущее идеальное общество не может быть восстановленной копией средневековой Священной Римской империи германской нации, разрушенной Наполеоном. Баадер выразительно пишет, что реставрация Средневековья — это пустая мечта, поскольку речь идет не просто о восстановлении сил умирающего, но о том, чтобы разбудить действительно умершего. Мертвые формы прошлого всемирного царства — Священной Римской империи — возможно

восстановить не «литературным пером» (*ibid.*: XIV, 115), но реальными религиозно-политическими преобразованиями Европы. Поэтому подписание акта о создании Священного союза Баадер воспринял с воодушевлением, считая замысел Александра, монарха утопической «христианской нации» (*la nation chrétienne*), практической реализацией своей религиозно-политической программы.

Французская революция показала, — продолжает Баадер, — что «эгоизм» не только правителей, но и подданных уничтожил государство как таинство брака, основанного на взаимной истинной любви. Государи присвоили себе полноту духовной власти, которая принадлежит церкви, и узаконили свой деспотизм руководством церкви. Подданные же верили, что они завоюют свои права лишь в борьбе против власти церкви. За политическим разрушением христианских западных стран стоит «разрушение» религии, которая поддерживала теократию старого рейха, прежнего, разрушенного Наполеоном мира. Как можно это исправить? Для этого Баадер предлагает следующий путь.

Во-первых, необходимо сформировать сословие, которое будет составлять социальную и экономическую основу христианского государства и которое должно объединиться с правительством «силой любви до таинства брака между ними» (*ibid.*: VI, 17). Только тогда можно будет избежать всех опасностей революционного насилия, которые он находил в западных государствах, созданных как система «общественного договора», основанного «не на любви, а на эгоизме партнеров по контракту» (*ibidem*) и ведущего к войне всех против всех.

Во-вторых, нужно «по-новому» ввести в политику «принципы религиозной любви и свободы» (*ibid.*: VI, 20), что может произойти только на основе синтеза «науки» (*Wissenschaft*) и религии. Если мы хотим справиться с революцией, — пишет он, — то «должны учитывать, что нравственное разложение сначала овладело сферой чувств, потом захватило сердце и, наконец, грубо и победоносно подчинило разум». Значит, противодействуя или преодолевая это нравственное разложение, особое внимание следует уделить освобождению и очищению именно разума. Если мы будем считать, что религия — только дело сердца, а не интеллекта, что это лишь «слепая эмпирическая практика без теории», то придем к новым разрушениям, которые «будут тем опаснее, чем основательнее опустошен наш разум» (*ibid.*: VI, 27). Таким образом, с одной стороны, согласно Баадеру, источником политической революции является кантовский разум, «взбунтовавшийся» против истин божественного откровения, но с другой — обскурантизм, который вообще подавляет использование разума, становится основой автократической деспотии. Новый строй, «новый

порядок» будет основан на соединении двух подходов к «знанию» — религиозной веры и науки.

Как понимал Баадер науку, показывает упоминаемый выше Варнхаген фон Энзе в одном из очерков, посвященных «первым героям» эпохи:

Наука Баадера — это тайное философское учение, и она была возвращена небольшой кучкой избранных ученых еще с древних времен, сохраняясь как предание и передаваясь ученикам тайных сообществ через посвящение. Иногда, благодаря вдохновению какого-нибудь гения, она принимала новый облик, как, например, у Якоба Бёме. Она там, где находится мистическая философия, или гнозис. Она связана, с одной стороны, с тамплиерами, с другой стороны, с высшими ступенями масонства. Баадер обладал высшими тайнами масонства, розенкрейцерства, мартинизма, и его мысли и стремления непрерывно двигались в этом направлении, даже если в своих «внешних сообщениях» он отрицал связь с тайными обществами. Подобные тайные учения имеют своим истоком христианство и признают свою причастность к христианству. Кое-что в них совпадает с католицизмом, который, впрочем, часто относится к этим учениям с подозрительностью. Другой своей гранью они примыкают к иудейской традиции. В целом они считают, что их учение не противоречит религии, принимая определенную форму той или иной церкви... С этими тайными науками (*mit diesen tiefen, geheimen Wissenschaften*) был связан Баадер, применяя к ним всю силу философской метафизики и диалектики, свойственной обычной светской науке.

(Varnhasen, 1875: 289–290)

В своих поисках Баадер не был одинок, и тот же Варнхаген фон Энзе отмечает «духовный обмен» Баадера со многими современными ему философами — Шеллингом, Гегелем, Шлейермахером, Якоби, Фр. Шлегелем, А. фон Мюллером и др.

Процессы, которые в то время происходят в России, когда широкое распространение получает просветительская идеология масонского круга Новикова и «александровский мистицизм» с их поисками «внутренней церкви» и «книжным» духовным опытом, многочисленными переводами и изданиями немецких мистиков и философов «тайного знания», были для Баадера уникальной возможностью осуществления его проекта. Договор о Священном союзе, а затем образование Министерства духовных дел, куда православие было включено на равных правах с другими конфессиями, становится для немецкого философа важной приметой начинающегося преобразования России в

новое общехристианское государство. А создание *соединенного* Министерства духовных дел и народного просвещения («дабы христианское благочестие всегда было основанием истинного просвещения», — написано в царском манифесте от 24 октября 1817 года (Сборник..., 1864: 971)) — воплощением идеи объединения веры и науки. А. Н. Голицын, поставленный императором во главе этого министерства, превращается для Баадера в центральную фигуру реформирования России. «Я надеялся на хороший результат», — сообщает Баадер, — поскольку «господин министр, обладающий религиозным чувством, уделял большое внимание науке и, также как и я, считал ее спасительницей мира, которая сможет преодолеть современную развращенность» (Baader, 1987: XV, 94).

Из религиозно-публицистических очерков, философских статей, политических записок и писем Баадера 1810–1820 годов становится ясно, что он видит в России государство, не затронутое «атеистическим хаосом» и способное избежать ошибок западного развития, приведших из-за вины монархов к революции. Он считает, что именно в России существует государственный порядок, в котором объединяется религиозная и социальная жизнь, характеризует Россию как могучее государство, «в котором высшие образованные классы показывают *живое чувство религиозности* (Sinn für Religion)» (ibid.: XV, 93). Само это труднопереводимое словосочетание «Sinn für Religion» восходит к выработанной в немецкой раннеромантической философии формуле «чувство святости/орган чувств для постижения религии» (*der heilige Sinn*) и далее к идеям голландского философа Ф. Гемстергейса (1720–1790), согласно которому в каждом человеке имеется некий «орган чувств» для восприятия духовно-нравственного мира. Новалис видел в этом «открытии» Гемстергейса «истинное пророчество» (Novalis, 1960–1988: III, 179) и использовал его в своей исторической концепции, полагая, что для «завершения» времени, для наступления грядущего золотого века человечеству необходимо нравственно-религиозное «воспитание, образование» (Bildung) и каждый человек имеет для этого некий «зародыш» органа чувств, который позволяет ему воспринимать Бога и трансцендентный мир. «Образованный» человек испытывает потребность в нравственно-религиозной стороне жизни, в мифотворчестве, в пророчестве. Осмысление этого факта — Гемстергейс входил в круг интересов не только Новалиса, но и раннего Баадера — и становится исходной точкой для воплощения в реальность социально-религиозного проекта Баадера, как бы опираясь на его собственный жизненный опыт: личные контакты и переписку с придворными Александра I, входившими в ближний круг императора. Постепенно Баадер приходит к убеждению, что русская аристократия в целом (включая

императора Александра I), в отличие от «безбожного» западноевропейского дворянства, обладает «истинной религиозностью, мягкой нравственностью и образованием».

Поэтому не случайно он посвящает книгу «О вызванной Французской революцией потребности установить новую и теснейшую связь между религией и политикой» князю А. Н. Голицыну, тогдашнему обер-прокурору Священного синода, и начинает активно искать контакты с приближенными Александра. Князю Голицыну были посвящены еще несколько сочинений Баадера: «Об экстазе» (*Über die Extase*, 1817), «О пророчествах и силе веры» (*Über Divinations und Glaubenskraft*, 1822), первый том рукописи «Начала познания» (*Fermenta Cognitionis*, 1822). Сохранились также многочисленные письма Баадера к князю А. Н. Голицыну, с которым он обсуждает как религиозные, так и политические вопросы.

Небольшая книжечка «О евхаристии» (*Sur l'Eucharistie*, 1815) была издана с посвящением Роксандре Стурдзе. Судя по их переписке, «конфидентка» (Лямина, 1999: 137) Александра I, передавшая императору «Записку» Баадера, считала Баадера своим духовным наставником: с ним она делится духовно-мистическим опытом, передает новости о Юлии Крюденер, описывает встречу со швабской пророчицей Марией Кюммер (та «ничего не читает, кроме Библии и некоторых вещей из Бёме»); сообщает, что намеревается посетить «старика Юнга [Штиллинга]». В ее письмах звучат такие фразы: «Вы были бы теперь довольны состоянием моей души» (*vous seriez content maintenant mit meinem Gemüthe*) и «не забудьте меня в своей молитве» (Susini, ed., 1942–1983: I, 289–290).

Все основные контакты Баадера с русскими аристократами александровской эпохи приходятся на то время, когда в России господствовала идеология христианского универсализма, тесно связанная с европейским религиозным «движением пробуждения», с поисками «внутренней церкви». Возникнув в среде немецких пиетистов, это движение широко распространилось в Германии и среди католических общин, в частности в Баварии, откуда Баадер был родом. «Пробуждение» подразумевало глубокую внутреннюю перемену, связанную с непосредственным переживанием Божьего присутствия и воздействия благодати. Баадера связывали личные отношения со всеми европейскими лидерами этого религиозного направления, в том числе с его создателем и вдохновителем — знаменитым мистиком Г. Юнгом-Штиллингом, с которым 10 июля 1814 года долго беседовал на религиозные темы русский император (Baader, 1987: II, 46) и который был одним из самых популярных религиозных авторов в России в эпоху Александра I.

«Бесценный господин и учитель...»: Баадер и А. С. Стурдза

В 1815 году в Мюнхене Баадер знакомится А. С. Стурдзой. Имя Баадера практически не упоминается в исследовательской литературе, посвященной жизни и творчеству Стурдзы (Лямина, 2019; Лямина, 1999; Домникова, 2016; Минаков, 2016), хотя их контакты играли важную роль в трансфере европейских религиозных идей в Россию.

Во время первой встречи они обсуждают вошедший в моду животный магнетизм, одинаково интересующий и молодого дипломата, которому в то время едва исполнилось 25 лет, и умудренного жизнью пятидесятилетнего философа. Свои впечатления Стурдза передает в письме С. П. Свечиной (октябрь 1815): «Мои суждения [о магнетизме] частично основаны на свидетельствах и идеях превосходных людей, которых мне посчастливилось узнать, таких как доктор Корейф, профессор Делез, достопочтенный Юнг-Штиллинг и, “превыше всего”, глубокий и религиозный Баадер, знакомство с которым составило эпоху в моей жизни» (“par-dessus tous” le profond et religieux Baader, dont le connaissance est une époque de ma vie) (Sturdza, 1860: 340).

В то же самое время Стурдза пишет Баадеру по-немецки длинное письмо (Вена, 15 (27) октября 1815 года), выражая свое восхищение от их знакомства. Приведем его полностью:

Ваше высокоблагородие, господин советник!

Сейчас, когда я разбил свою норманнскую палатку в тихой и дружелюбной Вене, спешу Вас поблагодарить за теплые, бесценные часы, которые я провел в Вашем обществе. В течение многих лет я мог бы общаться с другими так называемыми учеными, не получив того обучения и пользы, которые я получил у Вас. Именно Вам я обязан тем новым неожиданным светом, который мне открылся поверх множества предметов моих предчувствий, касающихся самого сокровенного и самого святого в нашем существовании. Еще никогда столь отчетливо в своей душе я не видел древо жизни и возрождения и сам крест, являющийся источником истинного познания. Еще никогда лучи этого божественного солнца не касались меня сквозь сумрачные тени древа познания, превратившегося сегодня в ядовитое растение, столь сильно и просветленно.

Я услышал возвышенные истины из Ваших уст. Бесконечно желанным стало для меня выражение духа жизни, этого посредника между телом и душой, между разумом и материей, изгоняющего дуализм из всей земной юдоли. Насколько применимым и показательным является это положение в объяснении магнетических явлений и животных инстинктов! И, что мне кажется еще более важным, эта теория может стать ключом к тем непрерывным процессам,

которые сохраняются как вечный закон в нашем продолжении рода, передавая определенные человеческие качества от отца к сыну. Вследствие этого, проникая сквозь первородный грех, на нас изливается новый Свет истины... Все мое путешествие из Мюнхена в Вену было непрерывным размышлением о том, чему я научился от Вас. Вот почему я помню Ваше доброжелательное обещание иногда посылать мне в Ваших письмах духовную пищу, в которой я так нуждаюсь, потому что без нее мой жизненный путь превратит лучшие надежды моей жизни в пустые мечты... Истинная цель братских уз — вести человека к Аполлону, то есть к Отцу Света, как загадочно объясняет Прокл в своих гимнах. Если Вы удостоите меня своим ответом, письма мне можно адресовать... Остаюсь с глубочайшим почтением, господин советник, преданнейший Вам, А. де Стурдзе.

(Susini, ed., 1942–1983: IV, 109–110)

Баадер переводит их диалог в публичное пространство, издав небольшую брошюру «О начальной троичности, из писем графу А. фон Стурдзе» (*Über den Urternar: aus einem Schreiben an den kaiserl. kaiserlich russischen Herrn Kämmerer Grafen A. von Stourdza. München, 1816*), а через два года перепечатав ее под названием «О тетраксисе жизни, из писем графу А. фон Стурдзе» (*Ueber die Vierzahl des Lebens, aus einem Schreiben an den kaiserlich russischen Herrn Kämmerer Grafen A. von Stourdza, 1818*) и снабдив некоторыми примечаниями. В этой восьмистраничной книжечке он развивает идеи, ранее намеченные в процитированном письме. Магнетизм упоминается в их переписке неоднократно, все больше и больше связываясь не только с врачебными «романтическими» практиками, но с религиозно-философскими идеями и даже социально-политическими процессами, которые интересовали обоих корреспондентов (письмо от 26 января 1816 года, 28 мая 1820 года и др.). Стурдзе неизменно выражает свое «глубочайшее почтение и преданность», именуя Баадера «бесценным господином и учителем», а себя «другом и верным слугой» (*ibid.*: IV, 109–110, 113, 114). В одном из писем он просит Баадера прислать несколько книг и изложить свое мнение по поводу «трактата о греческой нации» — это ему поможет «при написании другой книги», которой он «сейчас занимается в свободное время». Она называется: «“Размышления об учении и духе православной церкви” и должна появиться на русском и французском языках. Мое намерение чистое, патриотичное и христианское. Не хватает только света и силы...» (*ibid.*: IV, 113–114).

Книга Стурдзы «*Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'Église orthodoxe*» (Stuttgart bei Cotta 1816), пронизанная в духе Баадера идеей общехристианского

единства, была издана в Германии по-французски и до сих пор оценивается с прямо противоположных позиций: А. Ю. Минаков считает, что Стурдза занимал уже в это время «жестко православную позицию», стремясь к тому, чтобы «идеология Священного союза учитывала национальные русские особенности, в частности — специфику православной религии» (Минаков, 2016: 182, 176). Е. Бенц, напротив, рассматривает «религиозную и церковно-политическую цель» этого трактата как «провозглашение (Proklamation) идеи и практики веротерпимости», называя автора «глашатаем задач толерантной религиозной политики Александра I и нового осмысления религии в эпоху освободительных войн» (Benz, 1950: 800–801).

Сочинение, в котором ясным и доступным языком были изложены основы православия и которое получило высокую оценку русских православных иерархов и «заинтересованное признание императора» Александра I (Лямина, 2019: 106), вызвало также большой интерес Баадера. Его переводчиком на немецкий язык стал вскоре убитый студентом-националистом Август фон Коцебу, близкий знакомый как Стурдзы, так и Баадера (Betrachtungen, 1817). Книга, которая не была ни учебником догматики, ни катехизисом в традиционном смысле, а являлась «чем-то иным», «попыткой истолкования древнего учения в духе мистики движения пробуждения и в духе религиозной философии немецкого идеализма и романтизма» (Benz, 1950: 787), впервые в Германии столь по-европейски представила «образ» русского православия, не противоречащий тому пониманию религии, которое создавали Юнг-Штилинг или Баадер (Schmidt-Biggemann, 2015: 150–170). В частности, в предисловии (я цитирую по немецкому переводу Коцебу), сформулирован тезис, что «мы живем в эпоху, когда все христиане без различий должны объединиться, чтобы победить порчу и безверие» (Betrachtungen, 1817: 2). Бенц, анализируя статью Баадера, посвященную разбору книги Сен-Мартена «О духе вещей» (*L'esprit des Choses*, 1800), приводит фрагменты из книги Стурдзы, замечая, что многие ее «образы» буквально совпадают с текстами самого Баадера. Поэтому идеи книги Стурдзы воспринимаются Баадером как знакомые и близкие, и он их неоднократно воспроизводит в своих статьях и записках, посвященных миссии православной церкви в Европе. Из этой книги он заимствует неоднократно воспроизводимую им идею, что Россия является для всей Европы образцовой страной религиозной веротерпимости: «пассивная толерантность (*passive Toleranz*) в России приняла характер действенной и непрерывной защиты. Более того: закон позволяет всем гражданам без различий, какую бы веру они не исповедовали, полное равенство в гражданских правах» (*ibid.*: 177). Обоснование веротерпимости в книге, посвященной православным догматам, было тем более

важно для Баадера, поскольку в Германии эта идея уже была лозунгом немецкого просвещения. В книге Стурдзы тонкие скрытые нити стали видимыми, как бы связав «мистический спиритуализм “пробужденных” петербургских кругов с просвещением» (Benz, 1950: 802). Некоторые фрагменты книги имеют своим источником идеи Баадера (Susini, ed., 1942–1983: III, 84). Более того, Стурдза приводит прямую цитату из Баадера со ссылкой на его книгу «О вызванной Французской революцией потребности установить новую и теснейшую связь между религией и политикой»: «Культ любви наиболее способствует свободе» (Stourdza, 1816: 16).

В трактате «Греция в 1821 и 1822 году» он цитирует апостола Павла также, как это делает и Баадер: «каждая душа, говорит святой Павел, подчиняется верховной власти, и это не из страха, а по совести», «власть суверена имеет своим источником власть отцовскую» (*le pouvoir souverain tire son origine du pouvoir paternel*) (Stourdza, 1861: 234, 235). Или, как ранее в письме Свечиной, вновь именуется «глубоким и религиозным Баадером», подчеркивая в своих «Размышлениях»: «Каждый орган [чувств], как выразился глубокий и религиозный Баадер, предполагает существование предшествующей силы, которая приводит к его формированию. Орган [чувств] представляет собой результат, *caput mortuum* независимого и активного процесса. Эта великая истина показывает, что мы можем видеть и слышать не только посредством органов зрения и слуха» (Stourdza, 1860: 333). Те же самые идеи, о которых уже шла речь выше в связи с раннеромантической интерпретацией идей Гемстергейса, здесь напрямую связываются Стурдзой с Баадером.

Баадер — автор «учебника» для русского православного духовенства

По свидетельству Варнхагена фон Энзе, русский император Александр I уже летом 1815 года поручил Баадеру серьезную «религиозно-научную работу по созданию новой организации русского православного духовенства, и Баадер связывал с этим поручением большие надежды» (Baader, 1987: XV, 397).

В чем была суть проекта, Баадер объясняет в письме Александру I от 1 мая 1825 года, когда все его планы в связи с Россией рухнули. В Вероне в 1816 году перед ним была поставлена задача «остановить распространение протестантского пиетизма, как опасного для церкви сепаратизма, в государствах Вашего величества», поскольку «церковный сепаратизм, разрушая легитимность церковной власти, тесно связан с политическим сепаратизмом» и с необходимостью подрывает основу законной светской власти во всех христианских госу-

дарства. Поэтому необходимо распространять то [внецерковное] пиетистское движение, которое бы

способствовало внутренней религиозной жизни и которое столь высоко ценил министр духовных дел [А. Н. Голицын. — *И. Л.*]. Поэтому во время пребывания в Санкт-Петербурге, помимо представления своих нескольких литературных трудов, я намеревался внести несколько предложений в Министерство духовных дел и провести публичное обсуждение ряда предложений против разрушающего влияния религиозного сепаратизма, что, с одной стороны, могло бы способствовать обучению молодого поколения духовенства, а с другой — помогло бы создать религиозно-научное объединение, напоминающее иезуитский орден, поставив, вслед за ними, великую цель примирения науки и религии. Петербург должен был бы стать хорошим примером, в отличие от Парижа, где «союз» энциклопедистов привел к мятежу знаний против веры.

(Susini, ed., 1942–1983: I, 385–387)

В этой связи большой интерес вызывает письмо Баадера Конраду Шмидту от 10 марта 1816 года, где он сообщает:

Господь благословил мой небольшой трактат (о связи религии и политики), и благодаря ему знаменитый русский император дал мне почетное задание написать *руководство по философии природы и религии для русского духовенства*, и я надеюсь, что первый том выйдет уже в этом году. И наконец, князь Голицын, русский министр духовных дел, обер-прокурор Святейшего синода и президент Библейского общества, поручил мне подыскать молодых католических священников, которые хотят поехать в Россию в качестве проповедников, обговорить с ними условия и позаботиться об официальном приглашении у здешнего посланника. Если вы, дорогой друг и брат, знаете таких людей, которые *хотели бы работать в духе истинного христианства*, напишите мне, пожалуйста, об этом [курсив мой. — *И. Л.*].

(Ibid.: II, 292)

Об этом «учебнике» Баадер еще несколько раз упоминает в своих письмах, по которым можно понять, каково было основное направление мыслей немецкого философа и теолога, взявшегося за создание руководства для русского православного духовенства. 5 февраля 1816 года в письме к еще одному постоянному корреспонденту, натурфилософу-романтику Г. Х. Шуберту, он пишет:

«Вы, вероятно, не знаете, дорогой друг, что я уже несколько месяцев работаю над большим сочинением для русского духовенства (по высочайшему поручению), в котором я рассматриваю элементы природы и Божьей премудрости с новой точки зрения...» (Baader, 1987: XV, 298).

Немного раньше, 16 января 1816 года в письме М. Майеру он раскрывает одну из идей книги: «В моем большом трактате для русского духовенства я предприиму первую попытку истинного объяснения магнетического сомнамбулизма» (ibid.: XV, 288). Еще одно свидетельство: в марте 1816 года Христиан Даниель фон Мейер сообщает ландграфу Христиану Гессенскому о том, что Баадер сейчас изучает мистическую и теософскую литературу в библиотеке ландграфа Гамбургского, выполняя поручение российского императора по созданию большой книги, предназначенной для России. Автор письма называет этот труд Баадера одной из великих и глубоких идей (*des idées grandes et profondes*) эпохи и цитирует фрагмент из послания Баадера:

Совсем недавно он написал об этом моим друзьям: «...благодаря Божьей помощи мне удалось показать в развитии растений великую тайну вочеловечивания Бога и Боговоплощения человека, увидеть их тождество с земным воплощением солнца и солнечным воплощением земли» (Tout récemment il écrivit à un de mes amis : durch Gottes Hülfe ist es mir gelungen, das grosse Geheimnis der Menschenwerdung Gottes und Gottwerdung des Menschen in dem Wachsthum der Pflanzen als Erdwerdung der Sonne und Sonnenwerdung der Erde illustrieren zu können). Поскольку даже внешний солнечный свет является благодатью, и как всякая культура земной жизни является культом солнца или служением солнцу, так и всякая культура внутренней небесной жизни является служением Иисусу. И счастлив тот, кому открывается понимание этого.

(Susini, ed., 1942–1983: I, 481)

И наконец, в письме Иоганна Якоба Вагнера к Августу Кюлле от 1 июня 1817 года, по всей видимости, появляется предварительное название сочинения: «Хотел бы я знать, — восклицает автор письма, — действительно ли Баадер получил от русского царя 5000 дукатов для работы над сочинением “О связи человека и Бога” (“Über das Verhältniss der Menschheit zu Gott”)» (Wagner, 1849: 280).

Для создания этого труда, который Баадер считает великим делом своей жизни, он штудировал многочисленные книги и древние рукописи по мистике, магии и натурфилософии, медицинские трактаты по животному магне-

тизму, изучает современные свидетельства сомнамбулизма, которые могли бы явить эту связь человека и Бога. Насколько мысль о тождественности всего универсума или идеи животного магнетизма в том виде, в каком она разрабатывалась немецкой романтической натурфилософией, могла бы заинтересовать русское духовенство начала XIX века, мы так и не узнаем, поскольку это «руководство» не было опубликовано и, насколько можно судить, не сохранилось или не было написано, растворившись в ряду других сочинений Баадера.

Литература

Бердяев, 2008 — *Бердяев Н. А.* Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 318 с.

Вдовин, 2015 — *Вдовин А. В.* В поисках «русской идеи»: С. Шевырев и Ф. Баадер на рубеже 1830–1840-х гг. // Русско-французский разговорник, или / ou Les Causeries du 7 septembre. Сб. статей в честь В. А. Мильчиной. М.: НЛО, 2015. С. 23–39.

Гуминский, 1998 — *Гуминский В. М.* Гоголь и 1812 год // Отечественная война 1812 года и русская литература XIX века. Сб. статей. М.: Наследие, 1998. С. 88–124.

Домникова, 2016 — *Домникова Г. М.* Александр Скарлатович Стурдза: (опыт характеристики) // Христианство и русская литература. Сб. 4. СПб.: Наука, 2002. С. 250–278.

Зорин А. 2004 — *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 416 с.

Лямина, 1999 — *Лямина Е. Э.* Новая Европа: мнение деятельного очевидца. А. С. Стурдза в политическом процессе 1810-х гг. // Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII — начало XX века / сост. Н. Н. Мазур. М.: О.Г.И., 1999. С. 135–157.

Лямина, 2019 — *Лямина Е. Э.* Стурдза // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / гл. ред. Б. Ф. Егоров. М., СПб., 2019. Т. 6. С. 105–108.

Минаков, 2016 — *Минаков А. Ю.* А. С. Стурдза: интеллектуальная биография православного мыслителя // Христианское чтение. 2016. № 1. С. 176–194.

Михайлов, 1987 — *Михайлов А. В.* Эстетические идеи немецкого романтизма // Эстетика немецких романтиков. М.: Искусство, 1987. С. 528–564.

Новалис, 1993 — *Новалис.* Христианский мир или Европа / пер. и коммент. И. Н. Лагутиной // Arbor mundi: Мировое древо. 1993. Вып. 3. С. 155–169.

Сборник..., 1864 — Сборник постановлений и распоряжений министерства народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1.

Мартенс, сост., 1878 — Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. По поручению министерства иностранных дел составил Ф. Мартенс. СПб., 1878. Т. IV, ч. 1.

Шевырев, 1841 — *Шевырев С. П.* Христианская философия. Беседы Баадера // Москвитянин. 1841. Ч. 3, № 6. С. 378–437.

Baader, 1987 — *Baader F.* Sämtliche Werke. Hrsg. von Hoffmann Franz F., Leipzig, 1851–1860. In 16 Bde. [Nachdruck, 1987].

Baader, 1816 — *Baader F.* Über den Urternar: aus einem Schreiben an den kaiserl. kaiserlich russischen Herrn Kämmerer Grafen A. von Stourdza. München, 1816.

Baader, 1815 — *Baader F.* Über das durch die französische Revolution herbeigeführte Bedürfniss einer neuen und innigeren Verbindung der Religion mit der Politik. Nürnberg: Campe, 1815.

Benz, 1950 — *Benz E.* Die abendländische Sendung der östlich-orthodoxen Kirche. Wiesbaden, 1950.

Betrachtungen, 1817 — Betrachtungen über die Lehre und den Geist der orthodoxen Kirche, von Alexander von Stourdza. Aus dem französischen übersetzt von August von Kotzebue. Leipzig: Paul Gotthelf Kummer, 1817.

Büchler, 1929 — *Büchler F.* Die geistigen Wurzeln der heiligen Allianz. Freiburg im Breslau: Buchdruckerei Gebrüder Günther, 1929.

Hoffmann, 1872 — *Hoffmann F.* Philosophische Schriften, Erlangen: Verlag von Eduard Besold, 1872. Bd. 3.

Susini, ed., 1942–1983 — *Lettres inédites de Franz von Baader / ed. par Susini E.* T. 1–4. Paris: Vrin, 1942–1983.

Metternich, 1880 — *Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'état.* Paris, 1880. Tome 1.

Novalis, 1960–1988 — *Novalis.* Schriften / Hrsg. von Kluckhohn P. und Samuel R. In 5 Bde. Stuttgart, 1960–1988.

Schmidt-Biggemann, 2015 — *Schmidt-Biggemann W.* Baader und Saint-Martin // Aufklärung und Romantik als Herausforderung für katholisches Denken. Ferdinand Schöningh, 2015. S. 150–170.

Stourdza, 1816 — *Stourdza A.* Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'Église orthodoxe. Stuttgart bei Cotta, 1816.

Stourdza, 1861 — *Stourdza A.* La Grece en 1821 et 1822 // *Stourdza A.* Oeuvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et littéraires. Paris, 1861. Vol. 5. P. 219–313.

Stourdza, 1860 — *Stourdza A.* Pensées // *Stourdza A.* Oeuvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et littéraires: Essai sur le pressentiment. Paris: Dentu, 1860. Vol. 4. P. 281–418.

Varnhasen, 1875 — *Varnhasen von Ense K. A. Ausgewählte Schriften*, herausgegeben von Ludmilla Assing, dritte, vermehrte Auflage. Leipzig: Brockhaus, 1875. Bd. 16, Abt. 3: Vermischte Schriften.

Wagner, 1849 — *Wagner J. J. Lebensnachrichten und Briefe*. Hrsg. von Adam L. und Külle A. Ulm. 1849.

© Лагутина И. Н., 2021

SOCIO-PHILOSOPHICAL UTOPIA OF FRANZ VON BAADER
AND THE POLICY OF OVER-CONFESSONAL CHRISTIANITY OF ALEXANDER I

Irina N. Lagoutina — Doctor of Philology, Professor at the School of Philosophy and Cultural Studies, HSE University.

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

E-mail: irina.lagoutina@inbox.ru

Abstract. The German romantic philosopher Franz von Baader, who had a significant influence on the formation of the concept of “la Sainte-Alliance”, who had numerous contacts with Russian political, religious and cultural figures of the era of Alexander I, who took an active part in the secularization of Russian society in the 1810s, still remains outside Russian historical, cultural and philosophical context. The article analyses the “Russian” aspects of Baader’s philosophy and activities through his writings and letters, testimonies of contemporaries and unpublished material from the Russian archives. It also reconstructs his religious-political and philosophical project in the context of the policy of Christian liberalism of Alexander I.

Keywords: Franz von Baader, socio-philosophical utopia, religious policy of Alexander I, la Sainte-Alliance, A. Sturdza

For citation: Lagoutina I.N., 2021. Socio-Philosophical Utopia of Franz von Baader and the Policy of Over-Confessional Christianity of Alexander I. *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 4(2), pp. 149–171. (In Russ.)

DOI: [10.17323/2658-5413-2021-4-2-149-171](https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-2-149-171)

References

Baader, F., 1815. *Über das durch die französische Revolution herbeigeführte Bedürfniss eier neuen und innigeren Verbindung der Religion mit der Politik*. Nürnberg: Campe.

Baader, F., 1816. *Über den Urternar: aus einem Schreiben an den kaiserl. kaiserlich russischen Herrn Kämmerer Grafen A. von Stourdza*. München.

Baader, F., 1987. *Sämtliche Werke. In 16 Bde.* Hrsg. von Hoffmann Franz F., Leipzig, 1851–1860. [Nachdruck].

Benz, E., 1950. *Die abendländische Sendung der östlich-orthodoxen Kirche*. Wiesbaden.

Berdyayev, N.A., 2008. *Russkaya ideya* [Russian idea]. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ.

Betrachtungen, 1817. *Betrachtungen über die Lehre und den Geist der orthodoxen Kirche, von Alexander von Stourdza. Aus dem französischen übersetzt von August von Kotzebue*. Leipzig: Paul Gotthelf Kummer.

Büchler, F., 1929. *Die geistigen Wurzeln der heiligen Allianz*. Freiburg im Breslau: Buchdruckerei Gebrüder Günther.

Domnikova, G.M., 2016. 'Aleksandr Skarlatovich Sturdza: (opyt kharakteristiki)' ['Alexander Skarlatovich Sturdza: (characterization experience)'], in *Khristianstvo i russkaya literatura. Sbornik 4* [Christianity and Russian Literature. Collection 4]. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 250–278.

Guminskii, V.M., 1998. 'Gogol' i 1812 god' ['Gogol and 1812'], in *Otechestvennaya voina 1812 goda i russkaya literatura XIX veka. Sbornik statei* [Patriotic War of 1812 and Russian literature of the 19th century. The collection of articles]. Moscow: Nasledie Publ., pp. 88–124.

Hoffmann, F., 1872. *Philosophische Schriften. Bd. 3*. Erlangen: Verlag von Eduard Besold.

Lyamina, E.E., 1999. 'Novaya Evropa: mnenie deyatel'nogo ochevidtza. A.S. Sturdza v politicheskom protsesse 1810-kh godov' ['New Europe: the opinion of an active eyewitness. A.S. Sturdza in the political process of the 1810s'], in *Kul'turnye praktiki v ideologicheskoi perspektive: Rossiya, XVIII — nachalo XX veka* [Cultural practices in an ideological perspective: Russia, 18th — early 20th century]. Compiled by N.N. Mazur. Moscow: O.G.I. Publ., pp. 135–157.

Lyamina, E.E., 2019. 'Sturdza', in *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'*. Tom 6 [Russian writers. 1800–1917. Biographical Dictionary. Vol. 6]. Ed. by B.F. Egorov. Moscow, St. Petersburg, pp. 105–108. (In Russ.)

Martens, F. (ed.), 1878. *Sobranie Traktatov i Konventsii, zaklyuchennykh Rossiei s inostrannymi derzhavami. Po porucheniyu ministerstva inostrannykh del sostavil*

F. Martens. *Tom IV, chast' 1* [Collection of Treatises and Conventions concluded by Russia with foreign powers. On behalf of the Ministry of Foreign Affairs, compiled by F. Martens. Vol. 4, pt. 1]. St. Petersburg.

Metternich, 1880. *Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'état. Tome 1*. Paris.

Mikhailov, A.V., 1987. 'Esteticheskie idei nemetskogo romantizma' ['Aesthetic ideas of German romanticism'], in *Estetika nemetskikh romantikov* [Aesthetics of German romantics]. Moscow: Iskusstvo Publ., pp. 528–564.

Minakov, A.Yu., 2016. 'A.S. Sturdza: intellektual'naya biografiya pravoslavnogo myslitelya' ['A.S. Sturdza: the intellectual biography of Orthodox thinker'], *Khristianskoe chtenie*, (1), pp. 176–194.

Novalis, 1960–1988. *Schriften. In 5 Bde.* Hrsg. von Kluckhorn P. und Samuel R. Stuttgart.

Novalis, 1993. 'Khristianskii mir ili Evropa' ['Christendom or Europe'], translated and commented by I.N. Lagutina, *Arbor mundi: Mirovoe drevo*, iss. 3, pp. 155–169.

Sbornik postanovlenii i rasporyazhenii ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Tom 1 [Collection of decrees and orders of the Ministry of Public Education. Vol. 1], 1864. St. Petersburg.

Schmidt-Biggemann W., 2015. 'Baader und Saint-Martin', in *Aufklärung und Romantik als Herausforderung für katholisches Denken*. Ferdinand Schöningh, pp. 150–170.

Shevyrev, S.P., 1841. 'Khristianskaya filosofiya. Besedy Baadera' ['Christian philosophy. Baader Conversations'], *Moskvityanin*, pt. 3, no. 6, pp. 378–437.

Stourdza, A., 1816. *Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'Église orthodoxe*. Stuttgart bei Cotta.

Stourdza, A., 1860. 'Pensées', in Stourdza A., *Oeuvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et littéraires: Essai sur le pressentiment. Vol. 4*. Paris: Dentu, pp. 281–418.

Stourdza, A., 1861. 'La Grece en 1821 et 1822', in Stourdza, A., *Oeuvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et littéraires. Vol. 5*. Paris, pp. 219–313.

Susini, E. (ed.), 1942–1983. *Lettres inédites de Franz von Baader. T. 1–4*. Paris: Vrin.

Varnhasen von Ense, K.A., 1875. *Ausgewählte Schriften, herausgegeben von Ludmilla Assing, dritte, vermehrte Auflage. Bd. 16, Abt. 3: Vermischte Schriften*. Leipzig: Brockhaus.

Vdovin, A.V., 2015. 'V poiskakh "russkoï idei": S. Shevyrev i F. Baader na rubezhe 1830–1840-kh gg.' ['In Search of the "Russian Idea": S. Shevyrev and F. Baader at the turn of the 1830–1840s'], in *Russko-frantsuzskii razgovornik, ili / ou Les Causeries du 7 septembre. Sb. stateï v chest' V.A. Mil'chinoï* [Russian-French phrasebook, or The 7th of September Talks. The collection of articles in honor of V.A. Milchina]. Moscow: NLO Publ., pp. 23–39.

Wagner, J.J., 1849. *Lebensnachrichten und Briefe*. Hrsg. von Adam L. und Külle A. Ulm.

Zorin, A., 2004. *Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v poslednei treti XVIII — pervoi treti XIX veka* [Feeding the two-headed eagle... Russian literature and state ideology in the last third of the 18th — first third of the 19th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.

Статья подготовлена в ходе работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE).